

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.05

А.М. КУРЫШОВ

УДК 930.2

ББК 63в

**ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
Н.Н. КОЗЬМИНА:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Статья посвящена теоретико-методологическим основам сочинений известного и самобытного сибирского историка Николая Николаевича Козьмина (1872-1938), которому в 2022 г. исполнилось 150 лет. Методология Н.Н. Козьмина не была оформлена в полноценную теорию. Тем не менее можно утверждать, что в целом Н.Н. Козьмин был сторонником линейного подхода в исторической науке, а в своих поздних работах – конкретно его марксистского варианта (формационная теория). При этом отдельные элементы

методологии Н.Н. Козьмина обнаруживают параллели с позднее сформировавшимся в исторической науке синтетическим подходом.

Ключевые слова: Николай Николаевич Козьмин; методология истории; формационная теория; история Сибири.

A.M. KURYSHOV

HISTORICAL METHOD OF RESEARCH OF N.N. KOZMIN: GENERAL CHARACTERISTICS

The article is devoted to the theoretical and methodological foundations of the works of the famous and original Siberian historian Nikolai Kozmin (1872-1938), who turned 150 years old in 2022. The methodology of N. Kozmin was not formalized into a full-fledged theory. Nevertheless, it can be argued that, in general, N. Kozmin was a supporter of the linear approach in historical science, and in his later works, specifically his Marxist version (theory of social formation). At the same time, individual elements of N. Kozmin's methodology reveal parallels with the synthetic approach that was later formed in historical science.

Keywords: Nikolai Kozmin; methodology of history; theory of social formation; history of Siberia.

В 2022 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося российского историка Николая Николаевича Козьмина (1872-1938). Долгое время в силу политических обстоятельств (Николай Николаевич был репрессирован) его научное наследие не было востребовано отечественной наукой. Трагический финал жизни Н.Н. Козьмина в условиях 1930-х гг. был предопределен тем, что, являясь в свое время поборником политических идей областничества и не приняв изначально Октябрьскую революцию, он работал в составе Временного Сибирского правительства, а затем некоторое время находился в эмиграции (в Маньчжурии) [1]. Сегодня, несмотря на то, что со времен начала «перестройки», когда имена репрессированных ученых стали достоянием широкой общественности, прошло уже много лет, оно только начинает использоваться исследователями. Нельзя сказать, что Н.Н. Козьмин был забыт – с 1981 г., когда в сборнике «Вопросы этнографии Хакасии» появилась статья известного знатока сибирской историографии Михаила Борисовича Шейнфельда, ставшая первой исследовательской работой, посвященной Н.Н. Козьмину [2], о самом Николае Николаевиче и его работах написано достаточно много, но собственно его труды как ученого, его приемы научного анализа, его выводы нечасто привлекают внимание специалистов. Причина этого – не только широчайший спектр направлений деятельности Николая Николаевича (что не позволяет его считать исключительно историком (каковым он считал себя сам), по крайней мере – в класси-

ческом смысле этого слова), но и сложность (которую легко посчитать непоследовательностью) его методологии. Юбилейная дата – хороший повод еще раз обратиться к научному наследию этого выдающегося сибирского ученого, во многом предвосхитившего в методологическом плане современные тенденции развития исторической науки и ставшего по факту одним из родоначальников исторического сибиреведения.

Анализ методологического наследия Н.Н. Козьмина представляется правильным начать с его основы – историософии. Оставляя за скобками проблему предмета философии истории (проблему специальную и вряд ли разрешимую в категориях собственно исторической науки) станем отталкиваться от того, что по сути в современной науке есть три варианта понимания – способа восприятия – исторического процесса: линейный, циклический и синтетический. С точки зрения первого (классического) история – это прогресс, законы развития исторического процесса универсальны, а различия в развитии отдельных народов (стран, культур) объясняются тем, что мы их сравниваем, когда они находятся на различных этапах этого своего развития. С позиции второго (неклассического, цивилизационного) не существует всемирной непрерывной истории, а есть истории отдельных цивилизаций (культур), каждая из которых подобна бытию живого существа – цивилизации рождаются, развиваются, деградируют и умирают, становясь основой новых цивилизаций. Противоположное понимание исторического процесса линейными и циклическими теориями проистекает, по сути, из простой вещи: историки, воспринимающие исторический процесс линейно, на первом плане его видят эволюцию форм экономических отношений и технологический прогресс, в то время как для ученых, стоящих на позициях циклического способа восприятия истории, главной частью человеческого бытия являются формы общественной (в первую очередь – политической) организации и проявления развития человеческого духа в нематериальной культуре. Они просто по-разному воспринимают исторический процесс, как неодинаково, по-своему видят окружающий мир, скажем, художники или писатели, и, соответственно, по-разному его описывают. Суть синтетического подхода в том и состоит, чтобы воспринимать исторический процесс комплексно, не отделяя искусственно экономику от политики, технологию – от духовной культуры, исходить из того, что на каждом новом этапе экономико-технологического развития человечество возвращается к использованию ранее уже существовавших социокультурных форм. С точки зрения синтетического подхода общество – открытая система, а исторический прогресс – не линеен. Синтетический подход подразумевает междисциплинарные исследования и широкое применение не только логических и теоретических, но и эмпирических общенаучных методов, что в значительной степени позволяет избежать синтетическим

теориям научной спекулятивности (несмотря на схематический характер ряда таких теорий).

Н.Н. Козьмин являлся сторонником классического линейного подхода. В истории Центральной Азии, которой он занимался как специалист, он видит те же типичные связи между историческими фактами, что и в истории Европы. «У меня давнишняя мысль, что мир подчинен единым историческим судьбам. “Человеческое” свойственно Востоку и Западу. <...> Я думаю, что мало сделал, но все-таки моя будет некоторая заслуга в привлечении научного внимания к центрально-азиатской истории и попытке связать ее с западно-европейской», – пишет он М.К. Азадовскому в 1934 г. [3, с. 266]. Наличие универсальных законов развития человеческого общества в разные времена и на различных территориях объясняется универсальностью форм человеческого общежития. Для интерпретации прошлого историк может и должен использовать метод аналогии, обнаруживая в глуби веков общественные формы, существующие и в настоящем, и, таким образом, осовременивая прошлое («модернизация прошлого»). Но для этого он сам должен обладать обширными знаниями во всех науках о человеке и человеческом обществе [4, с. 116]. Этим как бы компенсируются недостаток исторических источников или их неудовлетворительное качество: «Факт может быть передан неверно, событие оценено неправильно в документе. Но раз известное соотношение повторяется, раз в разных областях жизни, в разных местах и в разные моменты наблюдаются однородные и закономерные повторения какого-либо порядка явлений, можно уже уверенно решать в сторону достоверности» [4, с. 117].

Николай Николаевич занимался широким кругом вопросов. В его научном наследии Ю.В. Кузьмин выделяет шесть основных направлений: 1) история Сибири XVII – нач. XX вв.; 2) история коренных сибирских народов; 3) история народов Центральной Азии (прежде всего – монголов); 4) биографии сибирских историков; 5) методология исторического исследования; 6) теория и история сибирского областничества [5, с. 177]. Долгое время конкретной (облеченной в некую теорию) методологической основы в рамках избранного линейного подхода в трудах Н.Н. Козьмина не прослеживалось. Но в конце концов он пришел к признанию в качестве таковой для своих исследований в рамках основных направлений научной работы – второго и третьего из перечисленных выше – формационной теории К. Маркса: «...Я довольно много продумывал схемы Маркса. Маркс был против “отмычек”, и все-таки его теория грубовато подчас, но блестяще отмыкает некоторые вещи, находящиеся “под семью замками” для буржуазной историографии. <...> Я недооценивал прежде марксистского методологического устоя – классовую борьбу. Конечно, классовая борьба и есть история человечества

за исторический период жизни. <...> Я перевожу историю центральной Азии на марксистские рельсы» [3, с. 270]. Обращение к марксизму Козьмина было не случайно и не конъюнктурно – он этот поворот выстрадал, он шел к нему долго и трудно. К этому повороту было по меньшей мере две предпосылки.

Первой из них следует считать признание Н.Н. Козьминым необходимости схематизации истории, если речь идет о ее научном познании. Николай Николаевич отдавал себе отчет в том, что в результате научной работы, предполагающей анализ фактов (т.е. разложение целого на части) и последующий синтез представлений (т.е. «сшивание» частей в целое), «живая жизнь» исчезает («В этом – трагедия знания», и в итоге «...мы имеем дело не с фактами и явлениями жизни, а подменяющими их формулами, обобщениями, отвлечениями» [4, с. 103]. Чем выше степень научного обобщения, тем дальше от реальности итог научной работы. Но это – необходимое зло, поскольку «Наука с практической точки зрения – это экономия времени и сил, достигаемая применением методов, которые делают факты быстро усваиваемыми и запоминаемыми» [4, с. 102]. Но именно историческая наука имеет потенциал несколько нивелировать потери «жизненности» в ходе научной работы, поскольку она призвана установить связи во времени между фактами, которые характеризуют «динамику» жизни (в противовес установления статических связей иными общественными науками). Само же научное познание истории необходимо, как необходимо вообще применение исторического метода при исследовании настоящего: «Мы не можем познать настоящего, не зная прошлого, как и прошлое недоступно изучению, если оно не отправляется от настоящего» [там же, с. 106]. Таким образом, схематизация истории – это меньшее (и необходимое) зло в сравнении с незнанием ее. Маркс дал науке такую схему, и Козьмин ее в итоге принял, применив к центрально-азиатскому средневековью [6] (в целом положительно оцененную известным востоковедом В.А. Казакевичем [7]). Здесь необходимо отметить и то, что обращение ученых к проблемам «формационной принадлежности» (в парадигме марксистской теории) народов Сибири в 1930-е гг. было связано «с практическими задачами социалистического строительства» [8, с. 87], что само по себе было близко Козьмину, всегда однозначно выступающего за практическое применение результатов научной работы историков: «Мертво, не нужно то знание, которое оторвано от жизненных задач, от общественных идеалов...» [4, с. 106].

Второй (и, видимо, главной) предпосылкой обращения Н.Н. Козьмина к научному марксизму была изначально им избранная ориентация на географо-экономический детерминизм применительно к историческим фактам. Уже в первом своем профессиональном историческом труде – «Ад-

министрация государевой пашни в Сибири XVII в.» (1904) – Н.Н. Козьмин обращается к экономической истории Сибири, исследуя особенности взаимодействия местных хозяйственных систем и государства в лице воевод и приходя к выводу о государственном характере сибирского хозяйства, в котором воеводы выполняли роль не столько администраторов, сколько «приказчиков», обеспечивавших интересы казны [9, с. 16]. Таким образом, само освоение Сибири начиналось как экономический проект Московского царства. Более определенно Николай Николаевич о сибирском хозяйстве высказывался в другой своей ранней работе – «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии» (издана в сборнике «Очерки прошлого и настоящего Сибири» в 1910 г., но написана была, по утверждению самого автора, до 1905 г., по-видимому, во время работы в Иркутском поземельно-устроительном отделе): изначально (с XVII в.) в сибирское хозяйство было государственным, эти фактом определялись управленческая практика и общественная жизнь населения (в том числе – бытие крестьянской общины). «Жизнь незаметно уничтожила это общесибирское государево хозяйство... Но идеологически строй государева хозяйства еще витает властно над всеми сторонами местной жизни» [10, с. 235]. Строительство Транссиба – не главный или единственный фактор изменений в хозяйственной жизни Сибири, влекущих за собой и изменения в общественной жизни, а один из факторов, наряду с теми, что сформировались в Сибири под воздействием государственной экономической политики. В этой работе Козьмин обращается и к категориям марксистской теории, рассуждая о крестьянине-середняке, хотя и обладающем мелкими средствами производства, но не использующем наемный труд, как о «представителях квалифицированного труда», составляющих особый «социально-экономический класс» [там же, с. 265].

Наиболее полно идея примата хозяйственных отношений в общественной жизни, конкретно – в отношении этногенеза, выражена в работе Н.Н. Козьмина «Хозяйство и народность» [11]¹. В этом исследовании Николай Николаевич оформил сразу несколько революционных для своего времени идей, некоторые из которых не утратили своей актуальности и сегодня. Во-первых, это идея об этнической самоидентификации как главного основания «этничности». Во-вторых, это положение о хозяйственном укладе как главном основании указанной самоидентификации. В-третьих, это тезис о географической обусловленности хозяйственного уклада. Таким образом этнос – это территориальная группа, характе-

---

¹В оглавлении статья значится под названием «Этнография и народность». Эта ошибка отразилась в библиографическом указателе работ Николая Николаевича, где работы «Хозяйство и народность» и «Этнография и народность» значатся под разными номерами друг за другом [12, с. 18].

ризующаяся определенным типом природопользования, предопределенным окружающим ландшафтом. Эти идеи предвосхитили появление теории хозяйственно-культурных типов [8, с. 95], ставшей базисом всей советской и российской этнографии. Но они имеют значение и для исторической науки. Еще в 1914 г. Н.Н. Козьмин указывал, что игнорирование хозяйственной истории народов Сибири может приводить к неверным выводам относительно их современного положения. На примере малых этносов Енисейской губернии он показал, что утверждения о их «вымирании» неверны: малые народы не исчезли, а влились в состав более крупных этнических групп в результате смены хозяйственного уклада [4, с. 107-108].

Итак, Н.Н. Козьмин в своих работах выступает сторонником линейного подхода к истории, но некоторые элементы его не до конца сформировавшейся методологической системы позволяют увидеть в нем одного из предшественников позднее сформировавшегося синтетического подхода (для этого ученому историческому миру оказалась необходима глобальная интеллектуальная «встряска», связанная со Второй мировой войной и научной революцией, начатой французской «школой Анналов»). Первый такой элемент – признание необходимости междисциплинарных исследований, горячим поборником которых был Николай Николаевич. Второй элемент – предложение учитывать экономические и географические факторы при анализе исторического процесса. При этом, помимо прочего, Козьмин выступал и сторонником монографических исследований, связанных с историей конкретных предприятий. В этом проявлялся «очевидный приоритет» «экономического подхода» в разработке исторической темы [13, с. 771]. Третий – предвосхищение субстантивизма: Козьмин подходит к экономике с точки зрения содержательного (связанного с природопользованием в конкретных географических условиях), а не формального значения этого понятия. В частности, это выразилось в идее перехода некоторых территориальных этнических групп Центральной Азии от земледелия и даже развитого городского хозяйства к кочевому скотоводству. Этот «регресс» (в парадигме формационного подхода) обуславливался, по Козьмину, сменой ареала обитания, и с позиций синтетического подхода он может быть интерпретирован как нелинейный прогресс. Четвертый элемент, на наш взгляд – самый главный, – тезис о необходимости исследования народов в контексте их «живой истории» (хотя это, как было сказано выше, и невозможно в полной мере): «Изучать тот или иной народ не как материал для вскрытия основных или второстепенных исторических процессов, не как составной элемент государственного целого, не как объект административного или культурного воздействия государства, а как историческую личность, субъект, действующий на исторической сцене, – так стала

оформливаться [так в тексте – А.К.] задача историка» [14, с. 1]¹. Данное утверждение, хотя оно и противоречит в некотором смысле другому тезису Козьмина – о необходимости применять знания о современном мире для интерпретации прошлого, можно считать частным случаем основной идеи основоположника «революции» в исторической науке середины XX в. Марка Блока – понимание человека прошлого есть основная задача исследователя.

Противоречия здесь самому себе, Н.Н. Козьмин демонстрирует незавершенность своей методологической концепции: она и не может быть оформлена в условиях метаний между неизбежностью схематизации истории и необходимостью ее «оживления». И все же романтизм Николая Николаевича заставляет его тяготеть ко второму. Это видно по его отношению к историческому источнику, который должен быть подвергнут внешней и внутренней критике [4, с. 113] (явное влияние лекций А.С. Лаппо-Данилевского, которые посещал Козьмин, будучи студентом петербургского университета). История как наука имеет дело не с самими фактами, а с их «следами» [там же, с. 110], т.е. документами, материальными остатками прошлого. Если они потеряны или не используются историком – это все равно, что их бы никогда не было. Историк должен понимать, что историческим источником может являться все, что угодно, но только то, что аутентично исследуемой эпохе и только то, что используется историком, при этом «Историк духовной культуры, общественных отношений, экономических и политических форм должен оперировать материалом, который, помимо его качественного совершенства, не является адекватным изучаемым явлениям. Это все равно как если бы кто-нибудь стал воссоздавать образ живого человека по тени, которое отбрасывает его тело» [там же, с. 115-116]. Таким образом, необходимо тщательно проверять достоверность источника и иметь в виду, что он, в свою очередь, является лишь отражением исторической реальности, а не частью ее. Это – прямая параллель с методологией «школы Анналов» и лишнее свидетельство того, что отечественная методология в отношении источниковедения в свое время это самое время опередило.

Николай Николаевич Козьмин может быть с полным правом причислен к тем немногим ученым-марксистам, которые не только пришли к научному марксизму осознанно, не будучи сформированными как сторонники формационного подхода изначально и не перешедшими на сторону марксизма из конъюнктурных соображений, но и (как раз в силу этого) пошли в своих методологических изысканиях дальше Маркса. Его иногда упрекали в чрезмерном схематизме, но в целом методология Н.Н. Козьмина не оформлена как полноценная теория, – именно

---

¹Н.Н. Козьмин фактически стал соавтором книги М.Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа», подготовив ее к печати и снабдив комментариями [12, с. 6].

потому, что целью его было открытие «живой истории», метод же выступал лишь инструментом этого открытия. Ясность понимания факта он ставил выше точности его описания, но не старался подогнать известные факты под схему или отбросить их вовсе, если они под эту схему не подходили, он стремился объяснить теоретические несоответствия, ища ответ в живой ткани истории.

Список использованной литературы и источников

1. Карпухина Д. В. «Наука не должна быть рабом преходящих интересов...». К 150-летию Николая Николаевича Козьмина / Д. В. Карпухина // Архивы Красноярского края. – URL : <http://красноярские-архивы.pf/gosudarstvennyi-arkh/users/publications/1007>
2. Шейнфельд М. Б. Творческий путь Н.Н. Козьмина / М. Б. Шейнфельд // Вопросы этнографии Хакасии : [Сб. ст.]. – Абакан : [Б. и.], 1981. – С. 163-184.
3. Н.Н. Козьмин – Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т. 1 : Горький и Сибирь. Забытое и найденное. Письма ученых-сибиреведов и писателей М.К. Азадовскому / гл. ред. Н. Н. Яновский. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. – С. 264-272.
4. Козьмин Н. Н. Исторический метод исследования : [речь, произнесенная д. ч. Н.Н. Козьминым в общем собрании членов Красноярского подотдела И.Р.Г.О. 22 февраля 1914 г.] / Н. Н. Козьмин // Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889-1914) : [Сборник]. – Красноярск : Енис. губ. эл.-тип., 1915. – С. 101-121.
5. Кузьмин Ю. В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк, экономист, общественный деятель (1872-1938): основные направления научной деятельности / Ю. В. Кузьмин // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года: материалы. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. – С. 169-184.
6. Козьмин Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме / Н. Н. Козьмин. – Москва ; Иркутск : ОГИЗ, 1934. – 150 с.
7. Казакевич В. А. Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении [рец.] / В. А. Казакевич // Советская этнография. – 1934. – № 5. – С. 112-117.
8. Решетов А. М. Николай Николаевич Козьмин : основные направления научной деятельности / А. М. Решетов // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. Д. Д. Тумаркин. – 2-е изд. – Москва : Вост. лит., 2002. – С. 81-100.
9. Козьмин Н. Н. Администрация государевой пашни в Сибири XVII в. / Н. Н. Козьмин // Очерки прошлого и настоящего Сибири / Н. Н. Козьмин. – Санкт-Петербург : Тип. «Печатный труд», 1910. – С. 14-33.
10. Козьмин Н. Н. К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии // Очерки прошлого и настоящего Сибири / Н. Н. Козьмин. – Санкт-Петербург : Тип. «Печатный труд», 1910. – С. 230-267.
11. Козьмин Н. Н. Хозяйство и народность / Н. Н. Козьмин // Сибирская живая старина. – Вып. VII. – Иркутск, 1928. – С. 1-22.
12. Н. Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед, журналист, общественный деятель (1872-1938) : Библиографический указатель. – Улан-Удэ : [Б.и.], 1999. – 28 с.

13. Майдачевский Д. Я. «Монографическая» история сибирской промышленности Н. Н. Козьмина / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16, № 4. – С. 765-776.

14. Козьмин Н. Н. Введение // Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа : с доп. ст. Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина / М. Н. Богданов; под ред. [и с предисл.] Н. Н. Козьмина. – Верхнеудинск : Бурят-Монгольское изд-во, 1926. – VI, 229 с.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov – Ph.D. in History, Associate Professor, of the Department of International Relations and Custom, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.